

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА: ПОТРЕБЛЕНИЕ И ЗАВИСИМОСТЬ В РОМАНАХ Х. СЕЛБИ-МЛ.

Ксения Александровна Вихрова

преподаватель Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: r2654256@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4175-8005

Аннотация. В статье анализируется сюжетное функционирование концепта американской мечты в четырех ранних романах американского писателя Х. Селби-мл. (1928–2004). В «Реквиеме по мечте», «Последнем повороте на Бруклин», «Демоне» и «Камере» Селби последовательно осуществляет расщепление двусоставного утопического концепта (возможность личностной самореализации и достижение материального благосостояния), редуцируя его до прагматической составляющей, представленной в обыденном понимании американской мечты как стремления к социальному успеху и достатку. Рассматриваемые романы проблематизируют компульсивное потребление как ключевой для писателя аспект американской мечты. Болезненные зависимости, знакомые Селби по личному опыту, указывают на состояние экзистенциального кризиса. В рамках исследования проводится последовательный анализ типов потребления в романах, выявляются характерные особенности их актуализации. Американская мечта в авторском понимании Селби не может стать основой для формирования идентичности и признается ложным идеалом. Персонажи анализируемых романов отходят от морально-этических норм и теряют свою личность в погоне за удовлетворением потребностей разных уровней. Они совершают преступления ради очередной дозы аддиктива и оказываются на социальном дне. Селби видит их проблему в отсутствии ответственности перед окружающими и самими собой и невозможности самореализации из-за отсутствия продуктивных целей и внимания к «внутреннему голосу», соответствующему трансценденталистской доктрине «доверия к себе». В результате персонажи теряют жизненные ориентиры и гибнут.

Ключевые слова: Селби-мл., американская мечта, потребление, национальный миф, зависимость

«Американская мечта» – сложный комплекс представлений, связанных с одной из важнейших составляющих американской культуры; «миф, который глубоко укоренился в массовом сознании, предопределил восприятие мира американцами» [Коновалова: 3]. Американская мечта оказала значительное влияние на историю страны и сама трансформировалась в результате социально-политических, культурных изменений, вобрав новые элементы, но сохранив неизменно двусоставную сущность [Зверев]. На любом этапе развития американская мечта соединяет в себе идеальную и материальную стороны, отражая исходную амбивалентность, заложенную в Декларации независимости Т. Джефферсоном. Амбивалентность обусловлена заменой локкианского «права на частную собственность» «правом на стремление к счастью».

Таким образом, утопический проект американской мечты в любой его отдельной исторической версии представляет собой амбивалентное образование: с одной стороны, это прагматический план по улучшению социального и экономического положения, зачастую отдельного человека, а не всего коллектива; с другой – воплощение идеалистических надежд на обретение счастья в достаточно широком смысле, который, тем не менее, диктуется конкретным этапом развития общества [Caldwell; Cullen; Delbanco].

Исследователи выделяют целый ряд версий утопического концепта, начинающийся пуританской мечтой об обновленном обществе верующих [Cullen]. Важно отметить, что в исторической перспективе можно проследить постепенно растущую роль потребления в структуре американской мечты [Caldwell]. Право на неотчуждаемую собственность сменяется устойчивым стремлением к благосостоянию: «американская мечта» начала XX в. – это желание найти свое место в жизни и реализовать потенциал в упорном труде, который, согласно концепции «человека, который сделал себя сам» (“self-made man”), безошибочно способствует материальному процветанию. Последовавшие социально-экономические потрясения и разочарования нации привели к тому, что притязания «мечтателей» стали более скромными и для многих американцев ограничились домовладением как главным символом стабильности среднего класса [Cullen: 7]. Новые исторические вызовы, изменения в общественном сознании породили, с одной стороны, пессимизм из-за недостижимости идеала рекламного плаката, демонстрирующего счастливую американскую семью, владеющую домом и автомобилем, с другой стороны, мечту о беспрецедентном успехе по воле счастливого случая, поскольку упорный труд перестал восприниматься залогом блестящей будущности и гарантией исполнения материальных желаний. Проникнове-

ние культа потребления во все сферы жизни усугубило фрустрацию от невозможности соответствовать американской мечте и подкрепило достаточно распространенное (и активно тиражируемое политическими обозревателями) мнение о крахе национального проекта [Peters; Churchwell].

Потребление как компонент американской мечты стало одной из ключевых тем в творчестве американского прозаика Хьюберта Селби-мл. (Hubert Selby Jr., 1928–2004). Его скандально известные произведения об обитателях социального дна американских мегаполисов сравнительно мало изучены как за рубежом, так и в отечественном литературоведении, хотя сразу после выхода в свет – и особенно после официального запрета на публикацию из-за «аморальности» – их активно обсуждали в прессе. Так, газета “The New York Times” и журнал “The Review of Contemporary Fiction”, известный критическими обзорами экспериментальных и авангардных произведений, посвящали развернутую статью каждому новому роману Селби.

Наиболее масштабное исследование творчества автора – книга Д.Р. Джайлса «Знакомство с Хьюбертом Селби-мл.» (“Understanding Hubert Selby, Jr.”) – была опубликована еще при жизни писателя в 1998 г. и содержит подробный пересказ пяти романов, сопровождаемый многочисленными критическими комментариями. Книгу завершает достаточно краткий список существующих исследований преимуще-

ственно описательного характера [Giles: 151–156]. Эти статьи объединяет общий набор выделяемых тем (зависимость, преступление, одиночество, религия), внимание к авторскому языку и предельной кинематографической натуралистичности как творческому методу Селби.

Потребление становится сюжетной основой многих романов Селби: центральные персонажи произведений зачастую осуществляют попытку на его основе выстроить свою идентичность. Наиболее характерное авторское понимание американской мечты как культа потребления и проблем, связанных с ее функционированием в обществе, представлено в предисловии 1999 г. к переизданию «Реквиема по мечте» (“Requiem for a Dream”, 1978):

«Разумеется, лично я считаю, что стремление к Американской Мечте не только бесполезное, но и опасное занятие, поскольку в конце концов она разрушает все и всех, кто имеет к этому отношение, <...> потому что она питает чем угодно, кроме самых важных вещей: честности, нравственности, истины, – наши сердца и души. Почему? Потому, что Жизнь/жизнь существует для того, чтобы давать, а не получать. <...> Я голодал и не вижу в голоде ничего благородного. Так же как не вижу ничего благородного в обжиралове, хотя быть сытым все же лучше, чем голодать. Тем не менее верить в то, что погоня за вещами есть цель жизни, – безумие» [Селби-мл. 2019: 5].

Преследование американской мечты определяется как отступление от божественных

смыслов, предательство своего «я» в бесконечной борьбе за материальное обогащение. Ему Селби противопоставляет следование внутреннему видению, импульсу изначальной божественной искры, соотносящемуся с трансценденталистской доктриной «доверия к себе» (“self-reliance”). Внимание к голосу совести означает принятие экзистенциальной ответственности за действие и бездействие, в конечном счете – за свою судьбу, что отражено в автофикциональном рассказе о пути самого автора к писательскому делу [Giles: V]. Очевидно, что вслед за Т. Драйзером Селби игнорирует двусоставную природу американской мечты, хотя его творческое и профессиональное становление в полной мере соотносится с проектом максимально успешной реализации личностного потенциала в процессе усердной работы.

Потребление в погоне за «мечтой» в романах Селби принимает гротескные формы зависимостей разного порядка. Наиболее простым типом является вещественное потребление (еды, наркотиков), более сложно структурировано потребление определенных видов опыта (развлекательного, сексуального) и, наконец, «иерархию» завершает потребление фантазмов и фантазий, порожденных воображением. Вне зависимости от типа потребления персонажи остаются в состоянии неудовлетворенности: невозможно заполнить внутреннюю пустоту внешними объектами. Провал закономерно фрустриру-

ет и травмирует персонажей, и они прибегают к еще большей дозе суррогатов или к более экстремальному аналогу ранее испытанного опыта, что заканчивается их гибелью или окончательной деградацией.

В «Реквиеме по мечте» раскрывается механизм функционирования болезненных зависимостей, что, по мнению исследователей, роднит роман (и другие тексты Селби) с произведениями так называемой «наркоманской литературы» (“junkie literature”) У. Берроуза, А. Трокки и др. [Bowers: 136]. Принципиальное сходство состоит в том, что в обоих случаях к развитию разнообразных аддикций приводит состояние глубокого экзистенциального кризиса. Однако в произведениях указанной тематики зависимость служит точкой сборки идентичности: персонаж переживает трансгрессию (личностный «апокалипсис») и выходит из состояния кризиса обновленным, обретает себя. В романах Селби персонажи, напротив, утрачивают личность в результате ее расщепления.

Персонажи «Реквиема по мечте» одержимы атрибутами социального благополучия. Гарри Голдфарб, его девушка Мэрион и лучший друг Тайлер – наркоманы, мечтающие раздобыть много денег, ни дня не работая. Мать Гарри Сара сначала страдает от компульсивного переедания и проводит дни у телевизора, а затем в надежде попасть на телеэкран начинает принимать прописанные врачом таблетки для похудения, содержащие

метамфетамин и постепенно сводящие ее с ума. В результате Гарри, Мэрион и Тайлер оказываются на социальном дне, а Сара – в больнице для душевнобольных.

Потребление временно заполняет пустоту, помогает персонажам чувствовать себя «цельным» и «самодостаточным» [Селби-мл. 2019: 211]. Однако при этом происходит подмена кажущейся цельности (характера и бытия) целостностью (физической и духовной «заполненностью»): потребность «заткнуть бреши» в душе и™ экзистенции раз за разом инициирует акт употребления аддиктива, но травмирующая проблема не решается. Персонажи «Реквиема по мечте» нуждаются в принятии (Сара скорбит по умершему супругу, переживает из-за отстраненности сына, друзья хотят обеспечить благополучную жизнь со своими партнерами), но из-за нежелания признавать ответственность перед окружающими они не способны увидеть проблемы друг друга и помочь в их решении. Так, наблюдая болезненную завороченность матери телевидением, Гарри решает купить ей более современный телевизор вместо того, чтобы удовлетворить ее истинную потребность в общении и проводить с ней больше времени. Хотя он видит, что таблетки Сары оказывают на нее наркотическое воздействие, Гарри не предпринимает никаких шагов, чтобы убедить ее перестать их принимать.

В процессе развития зависимости персонажи последовательно проходят стадию от-

рицания пристрастия, но «зависимость привычно и надежно искажала правду до приемлемых форм» [Там же: 199], «враг пожирал их волю», «сознание было заражено и искалечено врагом», и «одержимость и физические мучения растлевали душу» [Там же: 198]. Потребление аддиктивов изолировало персонажей болезнью, отделило от окружающего мира и друг от друга. Когда Мэрион пытается объяснить Гарри свою неудовлетворенность окружающим миром (единственная представительница зажиточного среднего класса в романе), она пытается процитировать шекспировского Полония: «Будь верен сам себе – вот высшая награда» [Там же: 138]. Именно верности себе и интроспекции не хватает всем персонажам «Реквиема по мечте».

Эпиграф романа – «единственный источник чистоты – вера в любящего нас Господа» [Там же: 7] – и заключительный фрагмент – «свет будто говорил ему: я люблю тебя» [Там же: 282] – формируют рамочную конструкцию, оставляя надежду на духовное спасение в божественной милости даже для опустившихся на социальное дно и утративших человеческий облик.

Роман «Последний поворот на Бруклин» (“Last Exit to Brooklyn”, 1964) [Сэлби-мл. 2020] во многом основан на жизненном опыте автора: Селби знал о наркотической зависимости, безработице и безденежье не понаслышке. Во время службы в торговом флоте он заразился туберкулезом и впоследствии

долгие годы боролся с зависимостью от болеутоляющих медикаментов и наркотиков. После ряда сложнейших операций Селби стал инвалидом, не мог заниматься физическим трудом и некоторое время жил на деньги жены, работавшей в магазине, пока не начал писать, вдохновленный другом бруклинского детства Г. Соррентино – писателем и редактором издательства «Гроув Пресс» в 1965–1970 гг.

Действие романа разворачивается в послевоенное время в одноименном районе Нью-Йорка. Произведение состоит из шести сравнительно автономных историй с эпиграфами из Библии. Персонажей «Последнего поворота» – трансвестита Жанетту, подростка-проститутку Тралала, сутенера Эйбрахама, профсоюзного агитатора Гарри, скрытого гомосексуалиста и педофила, – объединяет пристрастие к наркотическим веществам, алкоголю и промискуитету, порочность и отвлечение к себе, убогость окружения и отсутствие экзистенциальных целей, кроме желания личного обогащения и разгульного образа жизни. Персонажи стремятся к социально престижным ролям и удовольствиям, однако средства их достижения не соответствуют желаемым целям. Жанетта болезненно влюблена в бандита, эмоционально и физически издеваемого над ней, Тралала жаждет восхищения окружающих, которое на поверхностном уровне могло бы компенсировать отсутствие более глубоких при-

вязанностей, Эйбрахам занимается прожиганием жизни, бесчестя себя и свою семью, а Гарри, не лишенный карьерных амбиций, тратит энергию на скандалы и мошенничество. Процесс потребления дурманящих веществ и воспроизводство приятного, но губительного опыта не структурирует, а разрушает личности персонажей, опускающихся на социальное дно.

В интервью Селби отмечал, что современные читатели (включая Э. Бёрджесса и А. Гинзберга, высоко оценивших «Последний поворот на Бруклин»), неверно интерпретируют произведение в социально-критическом ключе. Автор выступал против того, чтобы считать персонажей жертвами и сводить проблематику к социальному детерминизму [O'Brien]. Персонажи романа «надеются, что внешние силы что-нибудь для них сделают» [Там же], при этом в качестве такой инстанции выступает общество, правительство, близкие и значимые люди, Бог. Переадресация ответственности за свою жизнь приводит к моральной деградации и гибели персонажей.

Издательство «Гроув Пресс», в котором роман был опубликован, отметило сходство писательской стратегии Селби с творческими находками битников, однако сам автор отрицал эту близость. Действительно, их разделяет социальное положение (битники – высокообразованные интеллектуалы, а Селби – фактически маргинал), прагматика

творческих высказываний (политическая повестка, экзистенциальная позиция), отношение к насилию (воспевание дикаря-хипстера, легитимизация насилия у бит-поколения и полное к нему отвращение у Селби), религиозность и многие другие аспекты [Хаустов: 86–95]. Объединяет Селби и «разбитое поколение» протест против буржуазной нормальности среднего класса и его ценностей, конформности (хотя и на разных уровнях), отсутствия осознанности в решении экзистенциальных вопросов.

Главный герой романа «Демон» (“The Demon”, 1976) Гарри Уайт последовательно предается всем смертным грехам в поисках еще более волнующих авантур и преступлений. Эпиграф – «Человек одержимый есть человек, одержимый бесом» [Сэлби-мл. 2017: 6] – напрямую указывает на будущую судьбу персонажа, который не сможет и не захочет прекратить злодеяния, пока его не остановят высшие силы.

Гарри соблазняет замужних женщин (его привлекает опасность возможного скандала), считая себя их спасителем от скуки семейной жизни. Он ненасытен не только в постели, но и на работе: это гордый и амбициозный карьерист, «сделавший себя сам». Однако он испытывает зависть к менее талантливому коллеге, получившему повышение, и гнев в отношении допустившего это начальника. Когда запретные связи и карьерные достижения перестают возбуждать в нем азарт,

Гарри впадает в уныние и апатию и начинает красть мелочь из рабочих столов своих подчиненных, заканчивая тем, что пытается унести полноформатную печатную машинку. Наконец, пресытившись кражами, Гарри задумывает и совершает убийство случайного пассажира, столкнув его под поезд. Кульминацией преступлений – «боженька на небесах, какое переживание!» [Селби-мл. 2017: 315] – становится атака на кардинала во время торжественного празднования Пасхи. На протяжении всего пути физическое состояние Гарри сигнализирует о неправильности происходящего, но он не прислушивается ни к своему телу, ни к внутреннему голосу. «Бес» движет его к смерти, и Гарри совершает сначала метафизическое, а затем и физическое самоубийство.

Болезненная зависимость от острых ощущений, дарящих одновременно чувство страха и безнаказанности, постепенно приглушает восприятие, и Гарри утрачивает вкус к уже изведенным грехам. В поисках более действенной «дозы» он пытается совершить трансцендентный скачок и пробиться к Богу, постоянно взывая к нему, но настойчивое требование ответа от высших сил остается неудовлетворенным [Там же: 372].

В романе «Комната» (“The Room”, 1971) наиболее ярко явлен парентетически отрывочный, ломаный, фрагментарный стиль письма Селби, соответствующий внутреннему монологу безымянного заключенного,

оказавшегося в тюрьме за совершение неизвестного преступления. В ситуации категорической пустоты он отдает себя во власть фантазии и фантазмов, с их помощью обретая любой, как вероятный, так и нереалистичный, опыт. Представляя чудовищные преступления, на которые был бы способен Гарри Уайт, заключенный получает физическое удовольствие от воображаемых пыток над полицейскими, которые, по его мнению, незаконно задержали его за незначительный и практически случайный проступок: «...ни одна из этих вещей не была преднамеренной» [Селби-мл. 2021: 205]. Мелкий преступник мыслит о глобальном зле, совершить которое он не властен. Его терзает собственное бесправие и отсутствие экзистенциального контроля, отождествляемого с ключевыми характеристиками американской мечты как идеи о власти над собственной жизнью и возможности управлять ею [Delbanco: 84]: он чувствует «себя ребенком, оставшимся без матери» [Селби-мл. 2021: 206], «единственный способ победить... – это украсть миллионы, и вот тогда они тебя полюбят» [Там же: 200].

Заключенный оказывается в символической изоляции земного чистилища: для внешнего мира он давно прекратил свое существование, что подчеркивается отсутствием имени и любых четких характеристик, и не ждет ответа от высших сил. Единственный его спутник – физическое недомогание:

«болезнь была скорее другом, чем врагом», «постоянное ощущение тошноты было единственным, на что он мог положиться» [Там же: 194]. Чем меньше осужденному доступно, тем более парадоксальна яркость и многомерность жестоких фантазий, которые он воспроизводит раз за разом, чтобы упиваться ими в отсутствие любых других источников наслаждения. Эффект от воздействия особенно напряженных эпизодов переживается с интенсивностью, сопоставимой по силе с наркотическими веществами:

«...пылающее тепло пробивалось сквозь него, давление все возрастало и возрастало, его глаза пытались вырваться из орбит, и жгло его, как ярчайшее солнце, вспыхнувшее мельчайшими, похожими на кометы частицами, которые со скрежетом проносились по небу его сознания, пока он не начал думать, что вот-вот взорвется...» [Там же: 177].

Беспреданно потребляя собственные фантазии, заключенный будто прокручивает одни и те же сцены с разной степенью детализации и лишь немного варьирующимся сценарием происходящего. Он оказывается одновременно и «режиссером», и главным действующим лицом разыгрываемых драм, в которых он неизменно обретает власть, контроль над жизнью и высокий статус. С одной стороны, можно рассматривать подобное фантазирование как терапию травматического опыта, с другой – бесконечное вос-

производство не дает персонажу сдвинуться с мертвой точки экзистенциальных поисков, поскольку представляет собой скорее «обезболивающее», чем «лекарство». Заключение не может присвоить себе цельный образ, нарисованный фантазией, потому что его не поддерживают другие.

Эпиграф к роману апеллирует не к справедливости, а к милосердию, что подчеркивает принципиальный характер ответственности, лежащей на персонаже [Там же: 4]. Его нельзя оправдать с точки зрения закона, поэтому ему остается уповать на божественную милость и человеческое снисхождение.

Таким образом, во всех четырех рассмотренных романах Селби воплощение американской мечты, редуцируемой до прагматической составляющей и отождествляемой автором с болезненной тягой к потреблению (прежде всего аддиктивов) и табуированному опыту, вызывающему привыкание, определяется как губительное предприятие. Вырабатываемая зависимость, в свою очередь, не устраняет сартровскую «дыру размером с Бога», а становится причиной распада личности. Попытка подменить цельность иллюзией временной целостности, обретаемой за счет аддиктивов, терпит неизбежный крах.

Литература

Зверев, А.М. «Американская трагедия» и «американская мечта» (К проблеме национального идейно-художественного сво-

еобразия литературы США) // Литература США XX века. Опыт типологического исследования / под ред. Я.Н. Засурского. М.: Наука, 1978. С. 134–208.

Коновалова, Ж.Г. «Американская мечта» в художественно-документальной литературе США второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.

Селби-мл., Х. Демон / пер. И. Карич. Тверь: Kolonna Publications, 2017.

Селби-мл., Х. Камера / пер. М. Бобровой. СПб: CHAOSSS/PRESS, 2021.

Селби-мл., Х. Последний поворот на Буэнос-Айрес / пер. В. Когана. М.: Издательство АСТ, 2020.

Селби-мл., Х. Реквием по мечте / пер. В. Осовского. М.: Издательство АСТ, 2019.

Хаустов, Д. Берроуз, который взорвался. Бит-поколение, постмодернизм, киберпанк и другие осколки. М.: Индивидуум, 2020.

Bowers, A.L. (2009). "As un-American as rabies": addiction and identity in American postwar junkie literature (PhD Dissertation, Texas A&M University, Texas).

Caldwell, W.W. (2011). Cynicism and the evolution of the American dream. Lincoln: University of Nebraska Press.

Churchwell, S. (2018). End of the American dream? The dark history of "America first". Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2018/apr/21/end-of-the-american-dream-the-dark-history-of-america-first> (date of access: 26.11.2022).

Cullen, J. (2003). *The American dream: a short history of an idea that shaped a nation*. Oxford: Oxford University Press.

Delbanco, A. (1999). *The real American Dream: a meditation on hope*. Cambridge: Harvard University Press.

Giles, J.R. (1998). *Understanding Hubert Selby, Jr.* Columbia: University of South Carolina Press.

O'Brien, J. (1981). A conversation with Hubert Selby. *The Review of Contemporary Fiction*, 12. Retrieved from: <http://www.dalkeyarchive.com/a-conversation-with-hubert-selby-by-john-obrien/> (date of access: 26.11.2022).

Peters M.A. (2012). *Obama and the end of the American dream: essays in political and economic philosophy*. Rotterdam: Sense Publishers.

References

Bowers, A.L. (2009). *“As un-American as rabies”: addiction and identity in American postwar junkie literature* (PhD Dissertation, Texas A&M University, Texas).

Caldwell, W.W. (2011). *Cynicism and the evolution of the American dream*. Lincoln: University of Nebraska Press.

Churchwell S. (2018). *End of the American dream? The dark history of “America first”*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2018/apr/21/end-of-the-american-dream-the-dark-history-of-america-first> (date of access: 26.11.2022).

Cullen, J. (2003). *The American dream: a short history of an idea that shaped a nation*. Oxford: Oxford University Press.

Delbanco, A. (1999). *The real American Dream: a meditation on hope*. Cambridge: Harvard University Press.

Giles, J.R. (1998). *Understanding Hubert Selby, Jr.* Columbia: University of South Carolina Press.

Khaustov, D. (2020). *Berrouz, kotoryy vzorval'sya. Bit-pokoleniye, postmodernizm, kiberpank i drugiye oskolki* [Burroughs who exploded. Beat-generation, postmodernism, cyberpunk, and other fragments]. Moscow: Individuum.

Konovalova, Zh.G. (2009). *“Amerikanskaya mechta” v khudozhestvenno-dokumental'noy literature SShA vtoroy poloviny KhKh veka* [“The American dream” in US nonfiction literature in the second half of the 20th century] (Candidate Dissertation, Kazan' State University, named after V.I. Lenin, Kazan').

O'Brien, J. (1981). A conversation with Hubert Selby. *The Review of Contemporary Fiction*, 12. Retrieved from: <http://www.dalkeyarchive.com/a-conversation-with-hubert-selby-by-john-obrien/> (date of access: 26.11.2022).

Peters M.A. (2012). *Obama and the end of the American dream: essays in political and economic philosophy*. Rotterdam: Sense Publishers.

Selby Jr., H. (2020). *Last exit to Brooklyn* (V. Kogan, Trans.). Moscow: Izdatel'stvo AST.

Selby Jr., H. (2019). *Requiem for a dream* (V. Osovskiy, Trans.). Moscow: Izdatel'stvo AST.

Selby Jr., H. (2017). *The demon* (I. Karich, Trans.). Tver': Kolonna Publications.

Selby Jr., H. (2021). *The room* (M. Bobrova, Trans.). Saint Petersburg: CHAOSSS/PRESS.

Zverev, A.M. (1978). «Amerikanskaya tragediya» i «amerikanskaya mehta» (K probleme natsional'nogo ideyno-khudozhestvennogo

svoyeobraziya literatury SShA) [“American tragedy” and “American dream” (On the problem of national ideological and artistic originality of US literature)]. In Y.N. Zasurskiy (Ed.), *Literatura SShA XX veka. Opyt tipologicheskogo issledovaniya* [US literature of the 20th century. Experience of typological research]. Moscow: Nauka, 134–208.

Для цитирования: Вихрова, К.А. Американская мечта: потребление и зависимость в романах Х. Селби-мл. // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 4. С. 117–128. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-117-128

For citation: Vikhrova, K. A. (2022). American dream: consumption and addiction in the novels by H. Selby, Jr. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7 (4), 117–128. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-117-128

**AMERICAN DREAM: CONSUMPTION AND ADDICTION
IN THE NOVELS BY H. SELBY, JR.**

Kseniya A. Vikhrova, Assistant, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design (St. Petersburg, Russia); e-mail: r2654256@gmail.com

Abstract. The author studies the plot particulars of four early novels by H. Selby, Jr. (1928–2004) in relation to the “American Dream” concept. The writer consistently splits the two-part utopian concept, reducing it to its pragmatic ordinary component of American dream as a longing for social success and prosperity. “Requiem for a Dream”, “Last Exit to Brooklyn”, “The Demon” and “The Room” discuss compulsive consumption as the main aspect of the American dream linked to painful addictions, familiar to the author from his personal experience, and referring to the state of existential crisis. The study consistently analyzes different types of consumption represented in the novels and reveals typical features of their actualization. The American Dream, reduced by Selby Jr. to its material aspect, cannot become the basis for identity formation and in this meaning it is stated as a false ideal. Selby Jr.’s characters commit crimes for the next dose of addictive substances and new experience; eventually they find themselves in the social underworld. Selby sees their problem in the lack of responsibility to others and to themselves. Their self-waste is due to lack of goals and attention to the “inner voice” corresponding to the transcendentalist doctrine of “self-reliance”. As a result, Selby Jr.’s characters find themselves disoriented and die.

Key words: Selby Jr., American Dream, consumption, national myth, addiction

